

A woman with long brown hair, seen from behind, stands on a stone path overlooking a dense mountain village. She is wearing a yellow and red patterned sari. The village is built on a steep hillside with terraced fields. In the background, there are misty, green mountains under a clear blue sky.

Шанти Натхини

Женщина со множеством имен

18+

Шанти Натхини

Женщина со множеством имен

«Автор»

2026

Натхини Ш.

Женщина со множеством имен / Ш. Натхини — «Автор», 2026

Как шагнуть в никуда в лихие 90-е, а оказаться в Непале? Как оставить все и уехать одной в Индию с 300 долларами и 3-месячной визой, а вернуться через 10 лет с острова Бали? Пятнадцать лет в сорока странах. Пять имён для одной личности. Множество перевоплощений в разных культурах без смены физической оболочки. Реальные путешествия, встречи с мастерами, горы и монастыри, посвящения в традиции, любовь и страсть, нищета и роскошь, стихийные бедствия и чудесные спасения. Только личный опыт путешественницы, которая решила однажды просто взять и рассказать, как всё было. Автор — профессиональный философ и востоковед, чьи книги по восточным традициям выходили большими тиражами в крупных издательствах с 2004 года сразу под несколькими псевдонимами. Впервые она рассказывает о своей собственной жизни: как девушка из Петербурга с дипломом бакалавра по метафизике Аристотеля получила восточные имена Долма Джангкху, Шанти Натхини, Атма Ананда и Маде Шри Нади — и что стояло за каждой инициацией.

© Натхини Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шанти Натхини

Женщина со множеством имен

Глава 1

Глава 1. Зеленая Тара (Долма Джангкху)

Самолёт снижался над Катманду. Припав к иллюминатору, я видела абсолютно новый мир, который узнавала с первого взгляда. Кольцо гор сходилось к городу в долине, как большой амфитеатр. Чем ближе мы подлетали, тем яснее становилось, что в центре стоит гигантская ступа. Сама структура места, атмосферность и нечто неуловимо тонкое вызвали у меня приступ рыданий. Без голоса, без слёз — комок подкатил к горлу, увлажнились веки. Я погружалась в далёкое прошлое, а в висках стучало одно слово: родина!

Припав лбом к холодному стеклу иллюминатора, несмотря на тряску снижения, я старалась, чтобы моё состояние не заметили соседи, а тем более бортпроводники. Вместе со снижением самолёта, который нырял в воздушные ямы, я заново провалилась в далёкие воспоминания. Это произошло во время одного из сеансов биоэнергетики годом ранее. Экстрасенсы потом назвали мои странные бредни воспоминаниями прошлых жизней, добавив лаконично: «Видимо, что-то кармическое», - но тогда никто не мог объяснить, что со мной творилось. Я действительно точно так же погружалась в подсознание и созерцала огромный амфитеатр в кругу гор. В полете тонкого тела я спускалась всё ближе к странным зданиям, которых никогда раньше не видела, но которые были родными до замирания сердца. И вот, наконец, я вхожу прямо сквозь стены, там какие-то одеяния, балдахины... Всё очень близко у самого лица, ткань буквально трется о щеку. А я бесконечно рыдаю, рыдаю и рыдаю всё с тем же узнаванием: родина!

Как меня вообще туда забросило?

В начале лета 1996 года я защитила дипломную работу по метафизике Аристотеля в Высшей религиозно-философской школе на степень бакалавра, за четыре года овладев древнегреческим языком на уровне чтения оригинальных текстов, проштудировав всех классиков от Фалеса до Гегеля. Но освободившись от учебы, я сразу решила сделать глубокий затвор для погружения в себя ради духовной жизни. В то время я совершенно не представляла, что философу делать в мире, тем более что вокруг творилась социальная катастрофа и такие кадры были абсолютно не востребованы. Я сама не видела ничего интересного, нужного и важного в окружающей действительности — все вокруг скорее казалась миражом. Вот почему духовные достижения представляли гораздо большую ценность.

Я составила выверенную программу аскетических практик, но несмотря на более ранние успешные опыты, когда я выдерживала суровые аскезы по три месяца, на этот раз затвор слетел очень быстро из-за порывов страстей. Однажды ночью в приступе отчаяния я вышла на балкон тринадцатого этажа, намереваясь сброситься вниз. Однако, подойдя к перилам, я застыла в некотором узнавании. Панорама внизу была потрясающе похожа на то, что я видела днём ранее, когда переживала очередной выход тонкого тела и летала над районом, а потом тупо списала на сон. Всё сходилось один к одному до мельчайших деталей! Я застыла на балконе и забыла, зачем пришла, сверяя каждую мелочь...

Теперь, паря над Катманду, я никак не могла понять, никак не могла поверить в то, что происходит: я снова вижу с высоты собственные грезы, воплощенные в реальности. Ведь совсем недавно я вернулась с балкона тринадцатого этажа и не могла понять, что же делать дальше. Затвор уже был не актуален, не было прежнего вдохновения, как раньше. Внешний мир по-прежнему не представлял из себя ничего интересного.

Я вернулась к экстрасенсам, с которыми работала годом ранее, а главный был кандидатом биологических наук с полусотней научных работ. Рассказала, что происходит со мной в последнее время, а в ответ услышала, что у меня очень сильные программы на саморазрушение, и они больше не знают, как мне помочь. Со мной работали очень долго: и на дому под потоком, и с христианским эгрегором. Я прошла крещение, отстаивала службы в церкви, делала затворы по Добротолочию, чуть не ушла в монастырь. Однако всё, вкуче с философскими штудиями, хотя и дало понимание тонкой картины мира, не решало вопрос: а что же я-то здесь делаю? Вот почему меня постоянно выбрасывало из действительности, и я углублялась в книги, в затворы, в себя...

В конце концов, с глубоким вздохом экстрасенс признал, что, в принципе, мне мог бы помочь только один человек в мире. Точнее, даже не человек, а живое воплощение бога на земле. Встреча с ним могла бы кардинально изменить мою судьбу и сделать пребывание на планете необыкновенно полезным и важным как для меня самой, так и для окружающей вселенной... Тут была драматическая заминка, хотя я даже выразила кивком головы пожелание встретиться с богочеловеком. Жил он на юге Индии. На тот момент это прозвучало примерно как ринуться вниз с балкона тринадцатого этажа.

Про фантастичность подобной версии я напомним: в девяностые годы вылететь за границу было очень сложно. Голод и холод по всей стране, загранпаспортов почти не давали, да и самолёты редко летали за границу. Вот так и вышло, что улететь напрямую в Индию мне не удалось. Меня отправили в Непал с напутствием: там потом по земле доедешь... А ведь даже до границы с Индией на автобусе с ночёвкой двое суток, а там ещё на поезде трое суток, то есть неделю колдыбаться с пересадками. Но всё ещё впереди, и это будет!

С самолёта уже видны очертания крыш: нищенские домишки и величественная ступа. Честно говоря, не помню, откуда мы подлетали. Просто было впечатление, что мы скользим по крышам, настолько внимательно я всматривалась вниз. Совсем скоро я сойду по трапу в незнакомой стране. У меня нет ни карты, ни фотоаппарата, ни гайдбука. Ничего. Не забронировано жильё, никто не встречает и не ждет, я просто лечу в никуда. В кармане всего сто долларов, кажется. Все деньги ушли на билеты.

Да, кстати, откуда взялись деньги?

Когда безумная идея начала раскручиваться, я сделала какие-то попытки разобраться, как вообще можно улететь в Индию? Нужно раздобыть деньги, купить билеты, сделать загранпаспорт, поставить визу - вполне обычная история. Я начала искать реальные возможности, стала разговаривать с людьми. Но понимала, что по реалиям лихих девяностых я буду зарабатывать нужную сумму год или два... А у меня не было столько времени — мне нужно было решить вопрос смысла жизни очень быстро, здесь и сейчас. Однако я везде ходила, искала работу и возможности.

Вдруг неожиданно у меня на пороге появился человек. Я даже не сразу его узнала. Это был бывший пациент психиатрической клиники, где я работала санитаркой в ранней юности ещё до того, как поступила на бакалавриат по философии. Тогда я очень сильно ему помогала, фактически, служила лучом света в темном царстве. Так вот, он разыскал меня, когда узнал, что мне самой нужны деньги на «лечение». Оказалось, с него сняли диагноз, он неплохо устроился и хорошо зарабатывал на новых русских благодаря своим художественным способностям и золотым рукам, выкладывая узорные паркетные в домах.

Звонок в дверь. Раньше люди приходили без договорённостей — прямо на дом. Я открываю, на пороге почти незнакомый человек начинает бормотать по смыслу что-то вроде: «Ты мне раньше помогла, я тоже хочу тебе помочь. Я слышал, что тебе надо подлечиться. Вот, тебе деньги на поездку, возьми, возвращать не надо. У меня всё хорошо и всё есть». Начинает доставать деньги из всех карманов, складывая на край тумбочки, занятой стационарным телефоном, где ничего не помещается. Доллары падают на пол. Немая сцена: пол усыпан деньгами, я стою остолбенев, он замолкает, мы смотрим друг на друга. Всё становится понятно. Мне нельзя отказаться от дара — я должна лететь.

Дальше всё было быстро. Я сделала загранпаспорт — это было самое долгое, почти целый месяц, тогда не было быстрых возможностей. Искала билеты, но не смогла найти ничего лучше, кроме вылета в Катманду с возвращением обратно из Дели. Станный вариант. Почему? Зачем? Просто не было выбора — я брала то, что имелось в наличии. Почти все деньги ушли на авиабилеты, никаких вещей с собой не брала, лишь полупустой рюкзак, затасканный по горам. Нужно было добраться до Москвы на поезде. В конце концов, осталась какая-то сотня долларов, да еще немного дальняя родня подкинула.

Что ж, самолет совершил посадку. В паспорт шлёпают штамп по прилёте. Я вдыхаю полной грудью душный воздух и выхожу из дверей аэропорта, сразу погружаясь в бушующую стихию толпы. Какие-то странные люди кричат на ломаном английском языке. Граматику я знала прекрасно, но то, что они несли, было далеко от учебных прописей. Надо сказать, у меня тогда стоял языковой блок. Я могла перевести с английского языка всё что угодно, профессиональный текст любой сложности, но не могла заговорить. Ведь никогда не предполагала, что мне придётся не читать, а разговаривать по-английски.

Обступившие рикши и турагенты наперебой орали, куда меня везти, откуда я приехала, что мне надо, а я вообще не знала, что мне надо. Я стояла онемев, пока меня рвали на части и тащили на все четыре стороны. Наконец, я произнесла только одно слово: «монастырь». Перед вылетом мне советовали останавливаться бесплатно в буддийских монастырях, по крайней мере, так считалось. Это была единственная возможность перекантоваться в Катманду перед отправкой в Индию.

Это возымело действие. Все подхватили, стали предлагать наперебой, куда ехать. Главный вопрос был, а в какой монастырь? В Катманду огромное количество монастырей. А я не знала. Получить такую информацию мне даже не пришло в голову. Нужно было идти в какие-то библиотеки — никакого интернета, ничего не было. Нужно было копаться, а я была сконцентрирована только на том, чтобы выжить, поэтому взяла и вылетела.

В конце концов я поняла: пока я не приму хоть какое-то решение, от меня не отстанут. Чтобы от меня отстали все, нужно просто выбрать один вариант и уезжать отсюда прочь. Я вскочила в какую-то рикшу, крикнула: «Гони в монастырь!» — и мы куда-то помчались. На

ходу я судорожно соображала: господи, куда же мы едем? Вокруг уже распростерлась красивая ровная зелёная местность, всё начало дышать умиротворением. Далее в предгорьях виднелись культовые сооружения. Стало понятно, что меня везут действительно в монастырь. По счастью, я успела поменять доллары на непальские рупии — догадалась сделать это в аэропорту. Когда рикша привёз меня к воротам монастыря, я быстро сунула примерную сумму. Конечно, он стал кричать, что нужно втрое больше, но меня предупреждали, что торговаться стоит жестко.

Я быстро прошла в ворота, чтобы скрыться с дороги и была вынуждена очередной раз открыть глаза от изумления. На воротах висело расписание ретрита для иностранцев. Ретрит уже начался, кажется, там уже не было свободных мест. Программа была очень плотная, рассчитанная на месяц. Но поразило меня совсем другое... Я несколько раз протёрла глаза, пялясь на цену, которая в разы превышала имеющиеся жалкие сто долларов. Пока я тупо стояла, не понимая, что делать — развернуться и уйти, — меня заметили. Подошёл монах и вежливо спросил, что я хочу. Объяснил, что ретрит уже идёт, но можно найти место. Я машинально ответила, что не смогу столько заплатить. Он спросил, откуда я прибыла, и удивился — русских там не бывало. Попросил подождать.

Через какое-то время неожиданно зазвучала русская речь. Очень молодой человек, вежливо, с лёгким американским акцентом, стал расспрашивать, что привело меня туда. Когда я вкратце поведала свою историю, он тяжело вздохнул, потом рассмеялся: «Ну ты отважная, мадам, сейчас всё решим». Стал разговаривать с монахом, тот снизил цену наполовину, а другую половину заплатил он сам. Он был из состоятельной американской семьи, и мое бедственное положение его скорее забавляло — по западным меркам такие «большие деньги» были карманными расходами.

Неожиданно всё сложилось быстро: меня провели в комнату, дали койкоместо в уютной обстановке, показали территорию монастыря. Я сразу включилась в общую практику — это было мощное погружение. Хотя теоретические основы уже были, ведь я слушала курсы по Абхидхарме в институте и понимала буддийскую философию, однако медитация была новшеством. Самое главное — много созерцательной практики: подолгу сидеть перед изображением Авалокитешвары или ходить вокруг монастыря по веранде второго этажа с чётками, повторяя мантру, которую дали: «Ом намо Буддхая». Были зачатки випашьяны, когда просто ходили по траве, наблюдая за стопами, а также различные песнопения и лекции. Мне было сложно понять детали, хотя вела их для иностранцев американка и читала на английском. В силу акцента и быстрой скороговорки я улавливала общий смысл без тонкостей. Когда начинала выполнять практику, многое оставалось полной загадкой — что же всё-таки происходит.

Однако моё состояние разительно менялось: я погружалась в какое-то умиротворение. Я действительно была дома, на родине, где всё складывалось легко и просто. Люди были доброжелательными, все жили как одна семья, помогали друг другу и в быту. Я очень быстро втянулась, хотя не обходилось без культурных контрастов.

Однажды я наматывала круги вокруг монастыря, где все ходили по часовой стрелке. В один момент мне показалось, что уже кружится голова от повторения мантры, и я решила пойти в обратную сторону. Стоило мне развернуться и сделать буквально несколько шагов, как я привлекла внимание старика-монаха, который сидел неподалёку в углу с чётками. Он внимательно приглядывался, и стоило мне продолжить путь, как подбежал, схватил за руку и начал настойчиво грозно вопрошать: «Бон? Бон?» Я не понимала, что происходит, будучи в полной растерянности, пока не подошёл мой покровитель. Все прояснилось: я начала ходить в

обратную сторону, а движение против часовой стрелки практиковалось в автохтонной религии бон, что было совершенно неприемлемо в буддийском монастыре. Вот почему старик-монах, который следил за порядком, сразу заметил и пресёк безобразие.

Это был не единственный случай, когда возникали какие-то лёгкие трения в монастыре, хотя я очень старалась всё выполнять качественно. Больше всего беспокоило то, что медитация на Авалокитешваре происходила как бы сквозь плотный прозрачный слой или будто образ находился за стеклом — я не чувствовала контакта.

На одном из чаепитий я поделилась своими терзаниями с единственным собеседником. С остальными иностранцами я не контактировала — все были заняты практикой, а он, собственно, обещал монахам мне помогать, поэтому в нарушение правил ретрита мы всё-таки немного разговаривали. Я посетовала, что чувствую, словно медитация «не идёт». Мне было с чем сравнивать, ведь я занималась практиками уже много лет. Начинала в ранней юности, ещё до поступления в философский институт, и перепробовала очень многое: духовное делание в христианстве, путь воина по Кастанеде, сеансы экстрасенсорики, курсы биоэнергетики, многое я периодически пробовала. Конечно, я прекрасно понимала, когда практика стопорится.

Отсутствие контакта беспокоило, поскольку я всё делала правильно, но чувствовала, что механически повторяю мантру, просиживаю время, глядя в одну сторону. Тем не менее оставалась тонкая невидимая плёнка, которая отделяла субъект от объекта. Максим внимательно выслушал и сказал: «Ты же не буддист, а потому сложно войти в контакт с традицией, прими прибежище». Такое предложение меня окончательно заинтриговало, мне даже показалось, что возникает понимание, зачем я всё-таки прилетела в Катманду.

— Неужели так легко стать буддистом?

В монастыре Копана, где я находилась, не проводили прибежища во время ретрита, все были заняты другими делами. Он предложил провести к своему собственному ламе-наставнику и попросить дать прибежище без подготовки, так сказать «по рекомендации». Это было в другом монастыре. Я согласилась.

Речь шла о Чокьи Ниме Ринпоче. Тогда я ещё не знала, что он был ламой нынешнего иноагента Бориса Гребенщикова, о чём мне сразу радостно сообщили. Когда мы зашли в монастырь, солист «Аквариума» присутствовал там лично, и многие смотрели даже не на ламу, а в ту сторону. Однако мне совершенно неинтересно пялиться на знаменитость, поскольку я там была в связи с духовными целями. Да и сама рок-группа мне никогда не нравилась — это уже другая история...

Всё складывалось абсолютно удачно: мой проводник получил благословение на моё прибежище. Меня попросили подождать окончания буддийской службы, а когда всё завершилось и народ стал расходиться, лама дал мне прибежище и, конечно, новое имя.

Так вот, Чокьи Нима Ринпоче назвал меня Зелёная Тара.

Мне выдали журнал, где на обложке красовалась Зелёная Тара, и там было написано имя Green Tara по-английски и на тибетском (журнал было тяжело таскать, а отодранная обложка доселе хранится в домашнем архиве). А вот тибетского-то я не знала и никогда не учила, хотя мне посоветовали заняться языком. Ранее, когда я обучалась классической философии,

я учила древнегреческий, латынь, немецкий и, конечно, английский. Восточные языки тогда были абсолютной диковинкой, поэтому я не смогла прочитать имя по звучанию. Позже в тибетской библиотеке мне дали транслитерацию на английском, а не на русском, как Dolma Jangkhu.

Десять лет спустя, когда имя стало востребовано редактором издательства, чтобы поставить на обложку моих книг по озеленению, произошла ошибка. Редактор произвёл транслитерацию каждой отдельной буквы, которыми обозначались звуки в английском языке. Получилось Долма Джангкху — с выговариванием всех букв в английском слове, которые вовсе не должны были произноситься. Таким образом, у меня оказалось совершенно уникальное имя, исходно по смыслу — богиня Зелёная Тара.

Это сразу удивило моего покровителя: обычно дают простые имена по качествам и добродетелям, а чтобы дали имя великой богини — большая редкость, и это «круто». Да, чудо произошло. Как только я приняла прибежище, практика совершенно поменялась. Я сидела в медитации, заворожённо погружаясь в контакт с Авалокитешварой. Меня пронизывали струящиеся потоки, окутывало светом, я вливалась в полную тишину и пустоту, пронизанную необыкновенной любящей добротой (меттой).

Первоначальное впечатление, что я вернулась на родину, обрело абсолютную, осязаемую достоверность. Всплывает в памяти, как монахи реагировали. Помнится, за ужином стоило посмотреть на яблоко и подумать, могу ли я ещё взять, как монах перехватил взгляд, протянул руку и подал сам, чтобы я не сомневалась, что могу съесть. Много всего такого было.

Ретрит подходил к концу, пора было ехать дальше в Индию. Как это сделать, я тоже совершенно не представляла, и это был последний подарок русского американца: он сам купил билет, выбрав специально туристский автобус с кондиционером, чтобы, как он выразился, меня всю дорогу не лапали индусы.

Настало утро отъезда. Я вышла из комнаты в храм, чтобы ещё немного помедитировать. Потом вернулась к своей койке забрать рюкзак. Нужно было взять какие-то вещи, постель уже собрана, все дела завершены. Я машинально открыла верх рюкзака и остолбенела: весь верх под клапаном был усыпан долларами... Это были отдельные бумажки разного достоинства — десять, двадцать, иногда пятьдесят долларов. Их было много.

Меня сразу пробило. Все ещё спали, уходить надо было рано, иностранцы отдыхали перед гонгом на подъем. На самом деле, они собрали пожертвования заранее, и одна из соседок положила пачку купюр в рюкзак, пока меня не было — буквально в тот момент, когда я вышла на короткую медитацию. Все знали мою историю, ведь мой покровитель, конечно, всё рассказал, поэтому сподвижники решили скинуться и немного помочь. Но это было не немного! Для меня это был огромный дар, который сразу открывал огромное количество возможностей. Я поняла, что смогу сделать еще многое в Индии... Я быстро сгрэбла деньги не пересчитывая, сунула пачку купюр в нательную поясную сумку, запахнула рюкзак и вышла к своему спутнику, чтобы сесть в автобус и отправиться в путь.

С раннего утра до позднего вечера автобус, почти как самолёт, летел вниз по горному серпантину, на каждом повороте рискуя лететь в пропасть, где валялись разбившиеся ранее машины, но в самый последний момент ловко заворачивая, прижимаясь к скале и выделявая новый вираж. Ошалев от качки, летая как птица над долиной, я почти не могла ни о чём думать — голова была практически пустой, мелькали лишь какие-то обрывки мыслей. Я не знала, что

буду делать дальше, а валила вниз, ведь чтобы попасть на юг Индии, нужно было добраться до Дели. Все поезда в Бангалор шли оттуда, других вариантов просто не было, по крайней мере, я не видела. А чтобы сесть на поезд, надо было доехать до ближайшей железнодорожной станции, перейдя индийскую границу.

Всё было очень запутано, сложно. Перед границей нужно было остановиться на ночлег. Ушатанная автобусной ездой по серпантинам, я машинально сняла комнатку задешево, буквально с голыми стенами и матрасом на полу. Автобус должен был продолжить путь на следующий день, пересекая границу. Как только я заперлась в комнатке, чтобы выспаться перед ещё более сложным днём, в дверь раздался стук и мужские голоса. Пара индусов, переговариваясь между собой, обращались ко мне и просили открыть дверь. Я не понимала, зачем. Оттуда кричали, что нужно подготовить документы для таможни, данные паспорта. Сквозь дверь я сказала, что все назавтра, а сейчас я хочу спать. Когда они услышали «спать», их настроение изменилось, посыпались вопросы, не поспать ли вместе, не хочу ли я приятно отдохнуть. Тут меня прорвало — языковой блок снялся мгновенно, и я заорала по-английски: «Ноу! Гоу!» Ухажеры ретировались, стало тихо. Я рухнула и вырубилась.

Вскочила по будильнику. Языковой блок уже был снят, и когда мы подъехали к границе, я четко и уверенно отвечала на все вопросы таможни. Шлепок штампа занял считанные секунды. Снова тряска в автобусе... Наконец мы катим до железнодорожной станции, а там огромная толпа. Я пытаюсь встать в очередь, хотя никакого порядка вроде и вовсе не существует — просто все лезут нахрапом вперёд, где есть заветное окошко, в которое можно сунуть деньги и получить билет. Туда тянется огромное количество рук, и в давке меня начали просто размазывать. Я отчаялась уехать, пока неожиданно не появился новый спутник. Спокойный деловой кореец выцепил меня из толпы с предложением: «Слушай, давай вместе поедem. Тебе могут легко дать билет по квоте как иностранке и женщине. Я помогу пробиться, а ты только лицо показывай и паспорт, купишь нам билеты». Мы договорились, и трюк удался довольно быстро, — уже вместе, поскольку места были рядом, забрались в поезд. Хотя на наших местах уже сидело трое индусов, но самое главное мы покатали в Нью-Дели.

Освоились в поезде, и было даже весело: колеса стучали, все галдели, разносчики пели «чаааиии, чаааиии, чаааиии». На станциях мой спутник выскакивал купить мне фрукты. Которые передавал в окно сквозь решетки прямо с перрона. Всё было здорово. Однако это был не прямой билет — нужно было сделать пересадку в Варанаси. Я ничего не знала об этом городе в то время, даже название слышала впервые. [Это потом я жила там месяцами на протяжении нескольких лет и сильно привязалась к месту, но в тот момент это была просто станция для пересадки]. Когда мы вышли из поезда и стали искать следующий, он долго приходил, а я еще не знала, что поезда дальнего следования могут опаздывать часов на шесть-восемь! Мы скучали на перроне, пока наконец не примчался мальчишка с истошными воплями: «Кансил! Кэнсэл!» Пассажиры удрученно забурчали, стали потихоньку забирать свои вещи и уходить с платформы. Кореец объяснил, что поезд отменён, билеты больше не действительны, их следовало обменять на другой поезд. Это было невозможно сделать моментально, и в незнакомом городе предстояло провести как минимум сутки.

Обменяв билеты на следующий вечер, мы отправились на поиски отеля. Я решительно отказалась снимать общий номер, хотя кореец вежливо предлагал. Потратила часть своих денег, чтобы снять самую дешёвую отдельную комнату. Тем не менее, мы вместе ужинали и пошли гулять по городу, благо кореец нанял местного гида-индуса. Мальчишка хвалил интересное событие вечером, где много огня, музыки, фейерверки и вообще здорово. Мы согла-

сились пойти посмотреть на зрелище. Я ещё не понимала, что, помимо красочного арати на берегу реки Ганги, он тащит нас на кремационный гхат, где сжигают трупы.

По узким улочкам мы почти бежали вслед за проводником, уже вечерело, а темнеет там быстро — в шесть часов вечера наступает кромешная темнота. Вдруг неожиданно погас свет во всём городе. В Индии такое происходило часто, но на тот момент это было ещё новшеством, чтобы электричество могло взять и вырубиться в крупном населенном пункте! Мы оказались в кромешной темноте, в тёмном переулке, в окружении странных людей. Внезапно раздались вопли, и мы увидели людей с факелами, несущихся по переулку в том же направлении, куда мы шли. Четверо мужчин тащили на плечах носилки, на которых лежало тело, укутанное в блестящие яркие ткани. Я вжалась в стенку, но мне шлёпнуло чем-то масляным с размаху по лицу. Вся процессия с факелами промчалась вперёд, а мальчишка сразу подскочил и сказал, что я благословенна.

Да, согласно индийскому поверью, даже увидеть похоронную процессию действительно считается благоприятным. Так я узнала, что Варанаси — великий индийский крематорий, куда стекаются все нищие и убогие кто не хочет больше перерождаться, чтобы принять смерть именно здесь и быть кремированными в святом месте. По религиозному обычаю, это приносит окончательное просветление и освобождение без всякой практики. Таким образом, в «городе света» работала огромная машина смерти. Да, на самом деле мальчишка тащил как раз на кремационный гхат, чтобы показать, как жгут трупы.

В конце концов мы добрались до места — это было впечатляющее зрелище. Я была потрясена величием того, что происходило, уже забыв о досадном шлепке по щеке. [Вспомнила десять лет спустя, когда именно в Варанаси получила посвящение в натха-сампрадаю под именем Шанти Натхини, а потом просиживала на кремационных гхатах сутками, творя мантру и перебирая четки. Тогда все обрело строгий и ясный смысл.] А сейчас оказалось, что для проводника это был всего лишь заработок. Потом начались некрасивые сцены, когда кореец расплачивался, а тот требовал всё больше денег. Мы еле смогли отвязаться, когда добрались до своего отеля и скрылись за дверью.

Весь следующий день ещё было время до отходящего вечером поезда. Рано утром я поговорила с индусом на ресепшене, чтобы выяснить, есть ли здесь буддийские святыни. Мне рассказали про Сарнатх, про который я тоже ничего раньше не знала — это место первой проповеди Будды. Нетрудно догадаться, что после прибежища в Непале, я сразу решила, что обязательно надо там побывать. Кореец охотно согласился сопровождать. Мы взяли рикшу и покатали в Сарнатх. У меня не было с собой фотоаппарата, поэтому всё, о чём я рассказываю, отражено лишь в памяти и штампами в загранпаспорте. Фото я сделала спустя десяток лет, когда побывала там в следующий раз, но это совсем другая история. А тогда мы просто бродили по руинам, сидели в медитации. Я напому, что в Корее тоже буддизм, и кореец был буддистом, поэтому все было органично.

Когда мы прошли в монастырь и монахи узнали, что я из России, они сказали: «О, так у нас есть русский монах». Мне захотелось встретиться, и уже совсем скоро мы сидели в уютной комнате перед русским художником, который принял буддизм, остался навсегда в Индии и рисовал исключительно мандалы и буддийские иконы. Он рассказал о своей жизни и посоветовал ехать в Дхарамсалу. Это был совершенно неожиданный поворот — вот уж куда я точно не собиралась! Позвольте, но Дхарамсала была от Дели вообще в другую сторону, на север, а не на юг, куда мне, казалось бы, следовало ехать. Тем не менее, когда художник объяснил,

что там находится резиденция Далай-ламы, есть Тибетская библиотека и проводятся ретриты, как я прошла в Непале, и даже более глубокие, я приняла продолжение данной линии. Да, мне действительно туда надо.

Когда мы сели в поезд и доехали до Дели, я решительно купила билет в Дхарамсалу вместо Бангалора. Я даже не помню, как я туда добралась и куда делся попутчик-кореец. Когда приехала, сняла в деревушке возле тибетской библиотеки маленькую лачугу буквально за доллар в день. Хозяйка благодарила всех богов за то, что те послали удачу. Я взяла комнату сразу на месяц, так имеет смысл делать всегда, чтобы было дешевле. Это означало, что я опять надолго.

Быт налачился быстро, я всё поняла, где и как устроиться, как питаться, но долго не могла понять только, где они ходят в туалет, и стеснялась спросить, а также куда выкидывать отходы. Я взяла мусор, пошла по дороге в поисках бака или урны, а мне навстречу попался индус. Я спрашиваю: «Куда девать?» Он думал, там что-то хорошее лежит: заглянул в пакет, увидел мусор, вырвал из рук и с размаху бросил в кусты рядом с тропинкой. Я спрашиваю: «Где туалет?» Он сначала не мог понять, о чём речь, пришлось немного присесть и показать, что я хочу сделать. Тут он заулыбался, понял, и широким жестом показал на все Гималаи — негласно объясняя, что туалет можно найти везде, если только закрыться за скалами или деревьями от людей. Что ж, пришлось так жить.

Но бытовые проблемы были не главным. Я туда приехала не роскошествовать. Основной интерес заключался в Тибетской библиотеке, где были вечные трактаты, живые монахи и читались лекции. Я сразу записалась на все лекции, которые проводились исключительно бесплатно, даже начала учить тибетский язык в первом приближении, чтобы немножко контактировать с монахами, которые зачастую по-английски не говорили вообще. Жизнь налажилась: я ходила на лекции, сидела в библиотеке, а всё свободное время проводила в медитации в буддийском храме.

Однажды случился казус, когда рано утром в моем домике все тибетцы спозоранку начали наряжаться и куда-то собираться, а я все еще спала. Хозяин даже постучал в дверь, выкрикнув, что Далай-лама будет проезжать по дороге, и у меня есть возможность его увидеть. Однако я спросонья пробормотала, дескать, а почему он сам не бежит меня встречать, ведь у него есть прекрасная возможность со мной встретиться... Я просто повернулась на другой бок и продолжила отсыпаться. Потом мне объяснили, что моя странная реакция была продиктована не высокомерием, а новым именем, благодаря которому я вживалась в роль Зеленой Тары, а та почиталась как мать всех Будд! Впрочем, позже я пренебрегла еще двумя шансами лично встретиться с Далай Ламой, поскольку воспринимала его скорее как политическую фигуру, чем духовного лидера. Это недалеко от истины, если учесть, как распределены функции трех главных лам в Тибете.

Наконец, появилась новая возможность. Оказалось, что в соседнем центре «Тушита» начинался новый ретрит для иностранцев, рассчитанный даже больше чем на месяц. Вот теперь я поняла, зачем иностранцы насыпали мне в рюкзак столько денег в Катманду. [Кстати, там я находилась в монастыре Копан, куда потом тоже вернулась.] На оплату дорожущего ретрита для иностранцев в «Тушите» ушла большая часть тех средств, которые собрали в монастыре Непала. Так я смогла попасть ещё в один ретрит.

Здесь, уже имея буддийское прибежище, просидев в библиотеке, я была, можно даже сказать, не новичком, прекрасно понимала, что, как и зачем делать. Новый ретрит был необыкновенно глубоким. Центр «Тушита» находился в очень живописном месте с шикарными видами на Гималаи. Красивые горные леса и зелёные долины. Там была определённая эстетика, и было приятно находиться, ещё не холодно — только по ночам и утрам бывали заморозки, но вполне комфортно в начале ноября... Я использовала все возможности на полную катушку. Там было много интересных контактов с иностранцами, иногда мы всё-таки в столовой с кем-то беседовали. Я могла наблюдать буддистов со всего мира сразу в одном зале, а не только местных.

Все кончается, и этот период тоже закончился. Я купила билет обратно в Нью-Дели — и снова стала штурмовать поезд, чтобы катить вниз. Однако, когда я сидела в поезде посередине пути вдруг все заволновались и стали говорить, что мы подъезжаем к Амритсару. Мне пояснили, что там какое-то чудо света. У меня был общий билет, который можно было использовать на разные поезда — что-то вроде сидячего места на электричку, а не конкретный поезд.

Так я впала в новое искушение — в заветном городе сошла с поезда. Всех иностранцев сразу везли во дворец на специальном бесплатном автобусе. Золотой храм — сикхский дворец, главная святыня сикхизма. Я ничего не помню, это была ночь, но там всё было залито светом, это действительно была какая-то сказка. Рикша довёз меня до дворца, я бродила там. Помню, был огромный пруд - священный водоем «Озеро нектара бессмертия», очень много золотых строений, всё залито светом посреди ночи, кругом одни сикхи. Это была совершенно золотая сказка, где я в полусонном-полубредовом состоянии, не выспавшись, ходила, ходила, ходила до самого утра. Потом меня накормили в столовой, я ушла пешком на станцию, чтобы не тратиться на рикшу. Новый поезд пришлось брать бешеным штурмом, ведь он отходил не от конечной станции, а нужно было запрыгнуть посередине, вися на поручнях и ввинчиваясь в толпу...

После такого переезда в Нью-Дели я приехала совершенно чумная, не спавшая целую ночь, проведшая в вагонах третьего класса чуть ли не на крыше двое суток. Когда я добралась, останавливаться было некогда — я пошла сразу на вокзал покупать билет на юг Индии. Всё-таки теперь, именно теперь, хотя прошло добрых два месяца с прилета, я была готова отправиться к тому загадочному человеку, Шри Сатъя Саи Бабе, куда меня отправили экстрасенсы. Должна же я была наконец сделать то, ради чего изначально рискнула отправиться в путешествие.

В Нью-Дели царил полная суета. Вокзал был запружен. Я знала, что там должна быть касса для иностранцев, чтобы не толкаться в очередях. Она была не на всех вокзалах, но в крупных городах безусловно действовала. Найти нужную кассу было непросто: огромные толпы, куча окошечек, незнакомый вокзал. Я решила обратиться за помощью и высматривала человека, у которого можно спросить достоверную информацию. Взгляд упал на сикха в форме железнодорожного служащего с длинной бородой и волосами, собранными на макушке. Он выглядел немного странно, но очень представительно, а главное - я только что побывала в священном месте для сикхов и прониклась доверием. Как я потом выяснила, сикхи — совершенно особая религия в Индии, ее представители занимаются в основном государственной службой.

Так вот, я подхожу и спрашиваю, где кассы для иностранцев. Он понимающе кивает и вежливо говорит, что сегодня та самая касса, к сожалению, закрыта на какой-то пересчёт, но он мне поможет — действует её филиал, нужно перейти через дорогу, он меня отведёт. Со всем доверием к форме я иду следом. Мы выходим за пределы вокзала, пересекаем бурлящую

площадь и оказываемся на Майн-базаре — самом людном, мутном и, как я потом выяснила, криминальном месте.

Он заводит меня в каморку, которая громко называется «турагентство». Там сидит человек и протягивает прайс-лист для билетов. Я с ужасом таращу глаза, потому что цены втрое выше тех, на которые я рассчитывала. Теперь это опять почти последние деньги после всех приключений. Грубо говоря, вместо десяти долларов надо заплатить тридцать. Я сейчас точно не помню, но оставалось долларов пятьдесят, наверное. Он понимающе кивает: «Вы же иностранка, вот цены для местных, а вам — для иностранцев. В кассе для иностранцев вы не будете толкаться в очередях, но тоже заплатите втрое» (это ложь).

Ладно, касса закрыта. Снимать отель выйдет ещё дороже, если я начну здесь ждать. Тем более что Дели совсем не то место, где хотелось бы оставаться даже ненадолго. Делать здесь практически нечего, я хочу как можно быстрее уехать. В конце концов я была готова заплатить, но спросила расписку. Глаза у собеседника лезут на лоб: «Какие расписки? Вы в Индии! Моё честное слово. Садитесь, сейчас принесут билет».

Немного поколебавшись, я отдаю тридцать долларов (практически все оставшиеся деньги) и сажусь ждать. Проходят час, два, три... Билета нет, а турагент потихоньку начинает приставать. Мне приносят чай, потом он заводит беседу за жизнь, спрашивает, откуда я приехала. Я отвечаю, конечно, Россия. Тут он расплывается в широкой улыбке и протягивает руку: «Россия, Индия — дружба навеки!» Возразить нечего, я подаю руку, он хватает её обеими сразу и начинает быстро перебирать сначала до локтя, потом до плеча... Я вовремя отдёргиваю руку, понимая, что дружба зашла слишком далеко. Он спешно ретируется: «Слушай, билета сейчас нет, мы вызовем начальника агентства, он разберётся. Нужны посылные, поэтому ждите». Я продолжаю ждать. Проходит ещё несколько часов.

Посередине дня глубоко за полночь, наконец, появляется начальник. Говорит, что уже дал все распоряжения, посылные бегают, ищут билет. Совсем скоро я обязательно уеду, а пока заказывает ещё чаю, и мы начинаем опять беседовать за жизнь. Начальник выглядит более упитанным, холёным, весёлым, а раскрепостившись, предлагает отдохнуть вместе. Заметив, что я шарахаюсь от назойливых прикосновений руками, спрашивает, а не лучше ли вот так — высывает язык, свёрнутый трубочкой, и начинает вращать кругами, потом восьмёрками, с вождением поглядывая на реакцию. Волна тошноты подкатывает к горлу. Я сдерживаюсь, мотаю головой: нет. После чего он начинает проделывать ещё какие-то трюки, продолжая соблазнение. Я же упорно повторяю на каждый неприличный жест, что мне нужен билет, чтобы отправиться к Сатья Саи Бабе. Кстати, у всех индусов, какими бы они ни были, огромное преклонение перед личностью боговоплощения — даже всё индийское правительство было тогда среди преданных. Моя настойчивость вызывает некоторое уважение, однако достичь своих личных целей всё равно явно хочется. Наконец, он говорит: «Сегодня у друга день рождения, подожди, он сейчас подъедет».

Проходит ещё пара часов, солнце близится к закату, скоро на улице станет абсолютно темно. Вдруг на пороге появляется совершенно необыкновенная фигура — такого толстяка я здесь ещё не видела. Одет в шёлка, руки в перстнях, усыпан драгоценностями. Он усаживается напротив и приглашает на день рождения в таком духе: «Давай отдохнём, плевать на поезд. Один день гуляем, а потом я отправлю тебя в Бангалор на самолёте, ты даже время не потеряешь и раньше туда прибудешь». Логика уже примерно понятна... Тем не менее деваться по-прежнему некуда — денег нет, билета тоже нет. Просто сбежать и хлопнуть дверью я не могу,

приходится договариваться с подлыми людьми. Полицию тоже боюсь вызывать, ведь расписки нет, а туристка без денег сама подозрительна.

Я продолжаю настаивать, что пора ехать к Сатъя Саи Бабе. А он вдруг восклицает: «Так я тоже преданный! Замечательно, мы в его славу прекрасно проведём время». Всё идёт по кругу, как заевшая пластинка. Наступает вечер. Я понимаю, что сегодня билета не будет. Мне предлагают остановиться в отеле за счёт турагенства, чтобы дожидаться отъезда поутру. Деваться некуда. Отель не в пешеходной дистанции, мне подают даже не рикшу, а автомобиль. Конечно, сейчас я не села бы в машину, тем не менее... Меня действительно отвозят в отель, проводят до номера. Я думаю, что наконец смогу отдохнуть. Однако мой сопровождающий идёт вместе со мной и вовсе оказывается сидящим рядом на кровати.

Попытки вежливо выпроводить его не увенчались успехом. Я старалась держать дверь открытой, вскакивала, подходила к двери, вставала в проёме, чтобы дверь в номер не закрылась. Он тоже встал, подошёл вплотную — и в тот роковой момент в отеле, да и во всём районе погас свет. Всё погрузилось во мрак, мы стояли напротив. Я почувствовала, что для него это тоже полная неожиданность. Напомню, в Индии во многих городах свет пропадал по несколько раз в сутки. Резко начинали реветь генераторы, прошла пауза в провале, когда никто не мог опомниться — даже он сам, явно не подстроенный трюк. Потом вспыхнул яркий свет, а мы на виду всего коридора, куда начали выскакивать постояльцы, стояли как бараны в дверном проёме. Ситуация совсем не романтическая, настроение у него резко изменилось. Он пожелал спокойной ночи, развернулся и с досадой ушёл к выходу, пообещав прислать машину утром, чтобы отвезти в офис.

Наконец-то я отоспалась. Утром спустилась на ресепшн — отель действительно был оплачен (точнее, владельцем отеля и турагенства был одним лицом, а я типа «гость»), но никакой машины не прислали, а смотрели как на последнюю потаскуху с нарочитым пренебрежением. Делать нечего, я беру рикшу по дешёвке, даю название офиса — визитка у меня есть. Да, визитки уже были в ходу. Меня везут обратно на Майн-базар. Никто сильно не удивился, когда я появилась на пороге, но и радости не выказывали. Велели опять сидеть и ждать. Я села. А дальше, собственно, началось.

Чего только мне ещё не предлагали. Я сидела как каменный гость, повторяла только одно: «Билет, билет, билет». Шёл час, другой, третий... В конце концов, они поняли, что «нашла коса на камень». В сумерках, наконец, неожиданно в офис врывается мальчишка, размахивает билетом, кричит: «Билет! Поезд уходит, быстрее давай!» Я хватаю рюкзак и бегу следом. Он изо всех сил пропихивает меня сквозь толпу, тащит до самого поезда, вручает билет, где указано мое имя. Я ничего не успеваю толком посмотреть, прыгаю в вагон отходящего поезда — чух-чух. Перрон тронулся, мальчишка остался, я с билетом в руках. Прохожу на указанное место — там сидит человек и даже трое, как всегда. Ладно, это нормально для Индии. Я пытаюсь усесться на своё место и показываю билет. Двое двигаются, а один смотрит на мой билет и показывает абсолютно аналогичный — с таким же местом. Немая сцена. Только теперь я вижу, хотя на билете указана моя фамилия и имя, номер паспорта (так было положено для иностранцев), место и вагон верные, но увы! Поезд идёт не в Бангалор, а в Мадрас (город тем летом переименовали в Ченнаи, но по инерции везде писали прежнее название). Кто не понимает: это тоже на юге, но на другом конце Индии, — прямо противоположном побережье океана (восток, а не запад).

Как бы то ни было, я еду на юг, поезд катится. Мне удалось усесться, а позже и вовсе с рюкзаком забраться на третью полку, где дико были вентиляторы, мешая уснуть. Ночью, в глубокой тишине, когда все вповалку лежат или висят друг на друге, вдруг неожиданно по вагону идёт полиция. Я с ужасом замираю и пытаюсь вжаться в стенку, понимая, что за двойной билет сейчас меня ссадят как безбилетника где попало. Полиция действительно обращает на меня внимание и подходит. По-английски они не говорят. Жестом указывают слезать с полки вместе с вещами. Сердце падает в пятки — с таким трудом завоёванный поезд может уйти. Мне велят идти следом. Рассекая толпу в проходе, полиция сурово марширует. Мы куда-то идём, идём, идём и вдруг оказываемся в странном вагоне: кругом одни женщины. Полиция некоторое время мнётся, потом выбирает молодую индианку на второй полке, трясёт, спросонья стаскивает вниз на полку к соседке, видимо родственнице, и жестом показывает: «Забирайся сюда». Имеется в виду — с рюкзаком, и спи здесь. Только тогда доходит, что стражи порядка перестраховались и решили обезопасить меня от вероятного продолжения приключений.

Следующий день и вся ночь проходят спокойно и весело. Индианки с любопытством меня разглядывают, даже пытаются говорить по-английски, застенчиво подсовывают фрукты из своих запасов — они везли их, чтобы кормить детей. Я не отказываюсь, понимаю, что всё чистое и точно не вредное. Так душевно мы приезжаем в Ченнаи следующим утром.

Я сразу бегом на автовокзал брать автобус, чтобы переехать из Ченнаи в Бангалор, а уже оттуда в Путтапарти. Билеты стоят копейки, даже дальнего следования, а ехать с пересадкой не меньше двенадцати часов. Автобус должен отправляться достаточно скоро. Я усаживаюсь. Автобус идёт весь день и всю ночь. Рядом индус, выясняется, что он тоже преданный Сатъя Саи Бабы. Мы знакомимся, дружески весело болтаем. Он прекрасно владеет английским, состоятельный упитанный приличный инженер.

Я не помню, сколько мы ехали, но в конце концов доехали. Автобус, кстати, ломался несколько раз, мы стояли часами и любовались рисовыми полями. Наконец-то мы доехали до Бангалора. Мой новый спутник помог пересестись на автобус в Путтапарти — он тоже ехал в ашрам Саи Бабы.

И вот, мы выходим в конечном пункте назначения. Я опять очумевшая и шатаюсь, но совершенно доверчиво иду за своим попутчиком. Он ведёт уверенно, но мы почему-то заходим в отель. Он договаривается на ресепшене, доводит до номера. Я в недоумении смотрю перед собой: широкая просторная кровать, уютная обстановка.

— Это ашрам? — спрашиваю машинально.

— А что, тебе не нравится? По-моему, хороший отель.

— Подождите, мы же идём в ашрам.

— Так ашрам никуда не денется. Давай переночуем здесь, мы устали, отдохнём нормально. А утром пойдём в ашрам, всё прекрасно. Мы же оба преданные Сатъя Саи.

На полуавтомате, ни слова не говоря, я разворачиваюсь и как манекен тупо иду по улице, машинально спрашивая дорогу у прохожих, пока не захожу в ворота ашрама. Вот теперь я окончательно прибыла. Меня сразу встречают, как любого посетителя, быстро оформляют

место в шеде, оно стоило примерно десять центов в сутки. На остатке денег я могла прожить с питанием ещё пару недель, как минимум, и устроилась сразу на десять дней.

Дохожу до нового места жительства и столбенею — такого я не видела никогда. Огромный барак на сотню человек. Вся территория разделена на участки буквально по несколько квадратных метров. Прямо на бетонном полу лежат матрасы, часто отгороженные простынями на верёвках, но не всегда — некоторые стоят в открытую, а вокруг просто лежат вещи, на матрасах сидят женщины. Всё очень пёстрое, и хотя все стараются говорить тихо, стоит не гам, а скорее гул от непрерывных голосов. Кто-то пытается медитировать и сидит в позе для медитации, порой даже в лотосе.

Это вечернее время после последнего даршана, все уже поужинали и вернулись. Но меня тащат на ужин, который тоже стоит безумно дёшево, на доллар можно поест трижды. Наконец, получается отъесться и отоспаться - и вот я валюсь на выданный матрас.

Ранним утром, когда на улице было темным-темно, в шеде зажглось электричество, и меня растолкали соседки. Все тщательно одевались как можно красивее и торопились бежать занимать очереди на жеребьёвку перед даршаном. В первый раз я не знала порядков, поэтому просто вышла вместе со всеми. Как была в полинявшей рубашке и потертых штанах, так и пошла. Единственное, что было важно по местным приличиям, — замотать шарфик вокруг шеи, чтобы закрывать грудь.

Первый выход. Мы сидели, наверное, больше часа в длиннющей очереди. Таких линий было много — жеребьёвка проводилась не между людьми, а между целыми очередями. В огромный мандир набивалось около двух тысяч человек, а те счастливики, которые угадали везучую очередь, заходили раньше и оказывались в первых рядах. У них появлялась возможность близко видеть Шри Сатья Саи Бабу, когда он выходит на даршан. Более того, они могли даже что-то попросить, попытаться заговорить, пока он проходил, и даже попросить взять группу на интервью — попасть во внутреннее помещение и получить обстоятельную беседу на час. Вот почему все торопились занимать места в очередях. Однако из-за жеребьёвки иногда последние становились первыми!

Меня одолевало любопытство: почувствую ли я что-нибудь особенное? Я с нетерпением ждала, когда наконец появится человек, ради которого я пересекла половину планеты. Раздались звуки арти: «Ом Джай Джагдиш Харе». Все вывернули головы в одну сторону — к воротам, где показался человек невысокого роста с пышной шевелюрой в однотонном красном одеянии, с опущенными руками, медленно-медленно проходящий по красной дорожке. Собственно, ничего не произошло. Он шёл спокойно, иногда переговаривался с людьми в первых рядах. В мандире было разделение на мужчин и женщин, вокруг меня сидели только женщины. Были достаточно эксцентричные особ, которые чуть не падали в обморок, закатывали глаза, начинали всячески молиться. Всё производило впечатление нездорового ажиотажа. При философском образовании, я обладаю скептической натурой, и хотя согласилась на судьбоносный эксперимент, никакого особого доверия, тем более преданности, не было.

Буквально за пять минут Сатья Саи прошёл по дорожке и удалился в апартаменты. Кто-то радостно — кого он взял на интервью — вскочил, стал размахивать галстуком, чтобы вся группа быстро шла на веранду. Многие начали расходиться, но на освободившиеся места сразу перемещались люди, сидевшие сзади, ведь после окончания беседы Сатья Саи проходил в обогатном направлении, что тоже давало шанс приблизиться. Порой даже кидали свои подушки в

просвет, чтобы застолбить место, а уже потом перепрыгивали и усаживались на подушку. Это мешало спокойно медитировать, но многие сидели как истуканы часами, невзирая на помехи, с блаженными выражениями на лицах. Я опробовала обе модели поведения, и вторая пришлась мне больше по нраву.

Даршанов было два — утренний и вечерний. Так пошло крутиться целыми днями. Я ходила на все даршаны, сидела в очередях, делала всё как все — не зря же я туда приехала. Мне было совершенно необходимо отработать гипотезу своего «спасения».

Действительно, постепенно стало твориться что-то странное.

Напомню: я прилетела из голодного холодного Петербурга середины лихих девяностых годов, где всё было серым и мрачным, а жизнь — экстремально драматичной. Ни дня без страданий, бесконечная каторга на тяжелых грязных работах (то унитаза мыла, то землю рыла, то сидела у постелей умирающих старух, то лотки с турснаряжением на вокзале), чтобы оплатить философское образование, слёзы не просыхали, ненависть ко всему миру просто за то, что он так устроен. Я приехала в очень тяжёлом состоянии.

Зесь началась настоящая битва света с тьмой. Меня обволакивало покоем и светом, он потихонечку пытался проникнуть внутрь, вызывая в мыслях яростное сопротивление, фактически на уровне: «Врёшь, не возьмёшь. Не верю. Отстаньте от меня». На пиках в груди начинались настоящие спазмы и боли, постоянно сильно болела голова. Честно скажу, было крайне паршиво! Однако я продолжала методично всё делать и пыталась понять, что же происходит.

Конечно, как философ по профессии — напомню, я была дипломированным бакалавром, — в свободное время я часто ходила в местную библиотеку и даже начала покупать книги, которые были тоже доступными по ценам. Старалась понять адвайта-веданту, которой следовал Сатья Саи, хотя в таком новаторском ключе, который называют «неоведантой». Я читала много как классических писаний, так и его собственных речей, выступлений и напутствий. Выполняла практику повторения имени, хотя на самом деле имена ни о чём не говорили. Один только внешний вид Сатья Саи был чуждым и никакого особого благоговения не вызывал. Я все делала ради того, чтобы понять: зачем я здесь?

Однако время шло. Так прошёл месяц. Если мы пролистнём на большой скорости рутину в ашраме, то увидим меня в совершенно другом состоянии. Я иду в белоснежном шёлковом сари по дорожке, осыпанной великолепными розами, всё в цвету. Светлое и чистое лицо, безэмоционально ровное, без мучительных гримас. Стояние покоя, уверенность в себе, в общем, всё хорошо.

Ах да, бдительный читатель, наверное, помнит, что я приехала в ашрам практически без денег. Спрашивается: как я тут живу второй месяц, ещё и книги покупаю, откуда сари. Я должна объясниться. В 1996 году не было переводов денег через банковские карты, никаких банкоматов. Не было даже связи — телефонный звонок стоил минуту больше, чем я могла себе позволить. Да и смысла никакого в звонках. Всё дело в комьюнити: в ашрам постоянно прибывали новые группы преданных из Петербурга. Добровольные спонсоры знали, что я должна находиться в ашраме, а уехала почти без денег. Конечно, никто не имел понятия, какие приключения разворачивались два месяца по прилету. Когда же я добралась до ашрама, достаточно скоро меня разыскали из группы новоприбывших русских и передали дополнительные скромные средства. Они позволяли достаточно безбедно существовать, если учесть, что про-

житочный минимум в ашраме составлял один доллар в день. На тридцать долларов можно было спокойно жить месяц. Не нужно объяснять, что даже сотня долларов — огромные деньги. Вот почему я достаточно уверенно начала обживаться. А шикарные сари и куча другой одежды доставалась мне по размеру от тех, кто приезжал ненадолго, и оставлял все купленное.

Человеку всё приедается, и через какое-то время стало просто скучно. Ведь я привыкла к динамике, драматическим событиям, а ровное спокойствие, обволакивающая мягкость, тихое состояние — всё контрастировало с привычной бурной натурой. Понемногу я стала оглядываться по сторонам и задумалась: неужели в Индии единственный ашрам на всю страну и нет ничего поинтереснее? Наверное, для того чтобы понять данный ашрам, надо сравнить с альтернативами.

Я стала беседовать с бывалыми путешественниками, которые много ездили по Индии. Мне сказали: самый-самый популярный ашрам Ошо находится в Пуне. Это имя я вообще слышала впервые, разве только мельком оно было знакомо по книжкам, но я никогда достаточно не углублялась в тему, даже представить себе не могла, что там творится.

Поскольку Пуна была на обратном пути до Дели, я построила такой план: перед Новым годом, переехать в ашрам Ошо, пробыть там ещё месяц, а уже оттуда вылетать обратно в Россию. Билет на самолет был с открытой датой, поэтому я могла себе позволить планировать всё на ходу. Как всегда, оставалось совсем немного денег, но я всё просчитала, закладывая, что проживу в ашраме Ошо так же, как в ашраме Саи Бабы.

Сказано — сделано. Билет на поезд я купила заранее и когда до Нового года оставалась буквально неделя, выехала в Пуну. Поначалу всё шло весело, как всегда: поезд чухал, индусы широко улыбались, все веселились, шум и гам. В таком приподнятом настроении я приезжаю, беру рикшу в Пуне, еду к ашраму, останавливаюсь у ворот.

Наконец-то, начинаются те самые драмы, которых так не хватало. На воротах сидят две девушки — одна в белом, другая в малиновом платьях. Как только я появляюсь, учтиво протягивают прайс-лист. Я знакоюсь с перечнем, несколько раз перевожу взгляд с девушек на цены и понимаю, что моих денег не хватит даже на один день, не говоря про месяц. Далее, они начинают объяснять, что я должна сдать анализы на ВИЧ. Хотя я сдавала их при получении индийской визы (тогда были такие правила), прошло несколько месяцев, и старая справка из России не принималась. Результаты анализов нужно было ждать по соседству в отеле. Более того, в ашрам не пускали без полной комплектации, куда входили белое и меруновое платья, куча всяких необходимых подношений, кроме непосредственно оплаты проживания и питания. Единственное, что было бесплатно, кажется, сама программа, но, собственно, было уже понятно, что мне ничего не светит.

Ошо покинул тело почти за семь лет до моего прибытия в ашрам. Трудно сказать, какие были порядки при жизни основателя. Однако на сетования, что всё слишком дорого, девушка на ресепшене скривила губки, с гордостью произнесла: «Да, у нас самый дорогой ашрам в Индии!» Что ж, я развернулась. Сдавать анализы не было смысла — всё равно не хватило бы денег. Я решила, что теперь придётся выбираться из Пуны. О том, что там существуют другие ашрамы, школы йоги и прочее, я не знала, да и не особо хотелось — я была просто разочарована.

Тут оказалось, что под Новый год даже негде остановиться. Железнодорожные билеты были распроданы на месяц вперёд, их невозможно было достать, вся станция была забита людьми, кассу для иностранцев я не нашла. Все отели тоже были забиты под завязку, оставались только самые дорогие пятизвёздочные номера, о которых я даже мечтать не могла. Рикша возил меня на последние гроши по всей Пуне, пытаюсь где-то пристроить, и в конце концов я осталась прямо на грязной улице.

Там меня заметила в таком бедственном состоянии обычная индианка. Она почти не понимала по-английски, но уловила в речи имя Ошо, сразу воздела руки к небу: «Ошо! Ошо!» — и потащила к себе на кухню приютить на ночь. По большому счёту в помещении была только большая кровать, что редкость для Индии. Сама индианка улеглась на пол в узком проходе, а мне уступила своё место. Это было роковой ошибкой, что я поняла слишком поздно. Конечно, там была страшная грязь — настоящее индийское жилище, жалкая лачуга.

Когда утром, отдав ей тающие гроши, отправилась на станцию, у меня болела голова, ломило всё тело, явно зашкаливала высокая температура. Я напому, что в тех широтах в декабре нет жары зимой, как раз наоборот довольно-таки холодно. Когда я добралась до станции, у меня темнело в глазах, и я догадывалась, что серьёзно больна. Ноги были ватными, еле волочились. Я тупо дошла до комнаты ожидания для женщин и свалилась там на лавку, подложив под голову рюкзак, чтобы не украли (он был набит бесценными книгами), и практически вырубилась.

В общем-то, всё было кончено. Окружающая обстановка погрузилось во мрак. В чугунной больной голове мелькали мысли вроде: «Ладно, я же хотела броситься с балкона. Хоть немножко интересно пожила, было здорово. Теперь, видимо, всё». И я стала прощаться с жизнью.

Я не знаю, сколько прошло времени в забытии, как вдруг почувствовала, что кто-то трогает меня руками. В те годы я была страшной недотрогой — на любое прикосновение могла ответить прямым ударом. Однако я была абсолютно беспомощна, руки и ноги не слушались, тело обмякло. Руки уверенно двигались по моим плечам и шее, повеяло чудесным ароматом — это был какой-то индийский бальзам. Когда я приоткрыла воспалённые глаза, то увидела склонившуюся индианку, приговаривающую на хинди. Мы друг друга совершенно не понимали, но она с необыкновенной точностью давила пальцами по всем активным точкам.

Вдруг в голове само собой раздалось «Ом Джай Джагдиш Харе». Всё застало чистым светом, а близко-близко к лицу, как будто я сидела в первом ряду на даршане, появилась фигура Сатья Саи, а потом его лицо приблизилось почти вплотную. Чудесным образом у меня прояснилось в голове, спала вся тяжесть. Индианка заулыбалась, а я на полном автомате встала и пошла напрямик с рюкзаком в полицию.

Замёрзшие полицейские — для индусов температуры, близкие к нулю, были очень низкими — сидели, укутавшись в одеяла, с натянутыми шапками на уши. Сначала они пялились на привидение, ввалившееся с возгласами: «No money, no ticket, no visa», но быстро сообразили, что если не помогут сейчас, то потом придётся разбираться с куда более сложным делом. Главный воспрял, выделил двух сопровождающих, а дальше всё пошло очень чётко. Сначала без всяких очередей, минуя толпу людей, меня провели к окошку кассы. Сняли бронь для женщин и иностранцев — такое уже бывало, но я совершенно забыла, да и соображать не была не способна. Билет дали прямо на ближайший поезд. Проводили до перрона, забитого людьми,

рассекая толпу, и вместе с рюкзаком буквально через головы на руках передали в вагон, где должно было находиться условно «мое» место, напечатанное на билете. Однако больше суток до Дели я почти висела на поручнях, пока в счастливом случае не перебралась на третью полку. Я почти ничего не ела, только пила бесконечный чай, который передавали с платформы в вагон за гроши. Так я докатила до Дели без остановочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.